

«Опустела душа, и остался один телесный чехол».

Куприн — великолепный рассказчик по естественности и гибкости интонаций. Он охотно обращается к историческим анекдотам и преданиям, берет готовую канву, расцвечивая ее россыпями своего богатого языка. Так рождаются новеллы «Тень Наполеона», «Четверо нищих», «Геро, Леандр и пастух», «Царев гость из Наровчата». Однако он постоянно чувствует себя заключенным в некий магический круг мелкотемья. И, подобно другим русским писателям, оказавшись на чужбине, он обращается к художественным мемуарам, посвятив своей юности роман «Юнкера». Несмотря на обилие света, празднеств — «яростной тризны по уходящей зиме», великолепия бала в Екатерининском институте, нарядного быта юнкеров-александровцев, — это печальная книга. Вновь и вновь с «неописуемой, сладкой, горьковатой и нежной грустью» писатель мысленно возвращается к родине.

«Живешь в прекрасной стране, среди умных и добрых людей, среди памятников величайшей культуры, — писал он в очерке «Родина». — Но все точно понарошку, точно разворачивается фильма кинематографа. И вся молчаливая, тупая скорбь в том, что уже не плачешь во сне и не видишь в мечте ни Знаменской площади, ни Арбата, ни Поварской, ни Москвы, ни России». Этим чувством безудержной, хронической ностальгии пронизано последнее крупное произведение Куприна — повесть «Жанета».

Не задевая, «точно разворачивается фильма кинематографа», проходит мимо старого профессора Симонова, когда-то знаменитого в России, а ныне ютящегося в бедной мансарде, жизнь яркого и шумного Парижа. Смешной и нелепый старик одиноко и бесцельно влачит в чужой стране остаток дней и, чтобы заполнить их пустоту, привязы-

вается к маленькой полунищей девочке Жанете. В старике Симонове есть что-то от самого Куприна, который, оказавшись вне родины, словно оставил там свои силы: больной, забытый, слабеющий, он жил уже в великой бедности. Встретивший его на парижской улице Бунин «внутренне ахнул и следа не осталось от прежнего Куприна! Он шел мелкими, жалкими шажками, плелся такой худенький, слабенький, что, казалось, первый порыв ветра сдует его с ног, не сразу узнал меня, потом обнял с такой трогательной нежностью, с такой грустной кротостью, что у меня слезы навернулись на глаза. Как-то я получил от него открытку в две-три строчки — такие крупные, дрожащие каракули и с такими нелепыми пропусками букв, точно их выводил ребенок...»

До конца своих дней Куприн остался русским патриотом, которому бесконечная любовь к России помогла побороть все колебания и сомнения и вернуться на родину. Вне России он не мог ни жить, ни писать. «Писал в Париже Тургенев, — жаловался он друзьям. — Мог писать вне России. Но был он вполне европейский человек, и было у него душевное спокойствие. Горький и Бунин писали на Капри прекрасные рассказы. Бунин там написал свою «Деревню». Но ведь у них было тогда чувство, что где-то, далеко, у них есть свой дом, куда можно вернуться, припасть к родной земле, набраться от нее сил... А ведь сейчас у нас чувства этого нет, и быть не может: скрылись мы от дождя огненного, жизнь свою спасая».

31 мая 1937 года Москва встретила старого, тяжело больного писателя. С этого момента начинается вторая и уже бессмертная жизнь Куприна в его произведениях, любовно принятых многомиллионным советским читателем.